

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ОДИССЕЯ «ОДЕССИТА»
РОБЕРТА ФОГЕЛЯ
(ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)**

Роберт Фогель — наш несостоявшийся соотечественник. Публикуемая ниже статья Р. Фогеля и С. Энгермана была впервые издана крохотным тиражом для участников проходившего 10–14 августа 1970 г. в Ленинграде V международного конгресса экономической истории. Это издание является библиографическим раритетом, его можно найти далеко не во всех даже крупных библиотеках России. Данная статья остается единственным русским переводом работ Роберта Фогеля¹. Ее публикация в нашем журнале призвана напомнить о выдающихся научных заслугах этого американского историка-экономиста и приурочена к 30-летию публикации в США его книги «Время на кресте», в которой получили развернутое изложение идеи этой статьи.

Лауреат Нобелевской премии по экономике 1993 г. Роберт Уильям Фогель мог бы стать нашим соотечественником. Однако в 1922 г., за четыре года до рождения будущего великого экономиста-историка, его родители эмигрировали из Одессы в США. И, пожалуй, так было лучше и лично для Фогеля, и для историко-экономической науки. Стань Фогель гражданином СССР, он вряд ли пережил бы Отечественную — и возраст призывной, и внешность «не арийская». В Америке же Фогелю удалось сделать спокойную академическую карьеру: бакалаврская степень в Корнельском университете (1948), магистерская степень в Колумбийском университете (1960), докторская степень в Университете Джона Гопкинса (1963). Кстати, докторскую диссертацию он писал под руководством Саймона Кузнеца, тоже будущего нобелевского лауреата и тоже выходца из России. Затем пошли годы работы в престижных университетах Америки — в Рочестерском, в Чикагском и в Гарвардском. Но за спокойной жизнью университетского профессора скрывалась бьющая фонтаном творчес-

кая активность, открытие новых методов и новых тем научных исследований².

Хотя русская тема в трудах Фогеля никак не отразилась, однако в его интеллектуальной карьере явственно видно влияние «широкой русской души» — научные интересы несбывшегося одессита оказались необычайно широкими. Современный ученый обычно «сидит» на какой-то одной теме, становясь глубоким специалистом в узкой проблеме. Роберт Фогель, напротив, сумел дважды поменять сферу своих научных исследований и сделать важный вклад в трех разных, почти ничем друг с другом не связанных, областях экономической истории.

Работы Фогеля объединены не их объектами, а используемыми методами. Роберта Фогеля заслуженно считают одним из лидеров клиометрики — того направления исторической науки, которое, по образному выражению Фогеля, родилось «от брака исторической проблематики с передовым статистическим анализом, причем подружкой невесты была экономическая история, а дружкой жениха был компьютер»³.

Поскольку в России идеи Фогеля пока знакомы не очень широко, есть смысл напомнить «три составные части» интеллектуальной одиссеи Р. Фогеля — анализ транспортной революции с использованием контрфактического моделирования, изучение экономической эффективности американского рабства и исследование изменений биологических характеристик человека под влиянием экономического развития.

Как Р. Фогель создал научную альтернативную историю. Практически все любители фантастики знают альтернативную историю как литературный жанр. Некоторым могли встречаться научно-популярные книги по истории, авторы которых предлагают читателям всерьез задуматься над тем, каким мог бы стать наш мир, «если бы...» (если бы Александр Македонский прожил еще несколько лет, если бы Колумб не доплыл до Америки, если бы восстание декабристов увенчалось победой...). И лишь немногим известно, что «история в сослагательном наклонении» может быть не только литературным приемом, но и методом вполне серьезных научных исследований.

Став благодаря Арнольду Тойнби своеобразной разновидностью научного досуга⁴, рассуждения на тему «что было бы,

если...» долгое время оставались на обочине «большой» науки. Новый прорыв произошел благодаря Р. Фогелю, когда в 1964 г. он опубликовал ставшую скандально знаменитой книгу с неприметным названием «Железные дороги и экономический рост Америки»⁵.

Традиционно считалось, что именно железнодорожное строительство являлось одним из «локомотивов» быстрого экономического роста Америки XIX в. Фогель попытался проверить на языке цифр привычные оценки транспортной революции. Он построил контрфактическую модель — как бы развивались Соединенные Штаты 1830–1890-х гг., если вместо «железных коней» ее просторы продолжали бороздить, как до транспортной революции, только дилижансы и пароходы. В этой модели он рассмотрел, прежде всего, влияние железнодорожного строительства на транспортные издержки, а также смоделировал его воздействие на развитие сопряженных отраслей (производство рельсов и шпал, добыча угля и т.д.).

Результаты математических расчетов получились парадоксальными: вклад железнодорожного строительства оказался весьма малым — в 1890 г. ВВП США был бы ниже примерно на 2–5%. Это значит, что без строительства железных дорог экономическое развитие Америки затормозилось бы не более чем на пару лет. Выбранная американцами технологическая стратегия — железные дороги вместо дилижансов и пароходов — оказалась в сравнении с альтернативной более эффективной, но в гораздо меньшей степени, чем это казалось ранее.

Вокруг книги Р. Фогеля немедленно разгорелась шумная дискуссия⁶. Одни критики вообще отвергали методику контрфактического моделирования, указывая, что в принципе невозможно достоверно измерить то, чего не было. Другие, не отвергая саму оригинальную идею, считали нужным подчеркнуть важность качественных изменений, от которых модель Р. Фогеля сознательно абстрагировалась. Так, высказывалось мнение, что главный эффект строительства железных дорог заключался в том, что они не только удешевили перевозки, но и резко их ускорили, сделав возможным производство новых товаров, которых иначе бы производить вообще не стали.

После дискуссии о «Железных дорогах» Р. Фогель резко сменил направление своих исследований, переключившись с

проблем транспортной революции на вопросы экономики рабства и перестав делать акцент на «альтернативной истории»⁷. Но и в новой сфере своих историко-экономических исследований он снова совершил небольшую научную революцию.

Как Р. Фогель доказал экономическую эффективность рабства. Мы уже писали, что экономика американского рабства традиционно является одной из важнейших тем американской исторической науки⁸. Долгое время само собой разумеющимся среди историков-экономистов (как американских, так и советских) было мнение, что рабство американского Юга тормозило экономическое развитие Соединенных Штатов, являясь неэффективной экономической системой. Ичард Фогель полностью разрушил устоявшийся стереотип. Изданную в 1974 г. книгу Р. Фогеля и С. Энгермана «Время на кресте»⁹ называют наиболее спорной книгой, когда-либо написанной об американском рабстве. Одно из главных сделанных ими открытий — доказательство высокой сравнительной эффективности рабовладельческих хозяйств Юга, превосходящей эффективность свободных от рабского труда форм хозяйствования.

Главная методологическая трудность, которая препятствует корректному сравнению рабовладельческих и не-рабовладельческих хозяйств, — это различия в их ресурсном обеспечении. Типичная рабовладельческая плантация имела гораздо больше земли, физического капитала и работников, чем средняя не-рабовладельческая ферма, а потому непосредственно сравнивать их эффективность нельзя. Чтобы оценить относительную эффективность хозяйств, Фогель и Энгерман использовали индекс «полной производительности фактора» («total factor productivity»), который измерял выпуск (output) на среднюю единицу ресурса (input) для каждого типа сельскохозяйственных предприятий. Чтобы проанализировать производительность факторов производства, они воспользовались функцией Кобба-Дугласа $Q = AL^{\alpha_L}K^{\alpha_K}T^{\alpha_T}$, где Q — производство, L — затраты труда, K — физического капитала (машин и др.), T — земли, а показатели α_L , α_K и α_T отражают пропорцию влияния на выпуск каждого из факторов.

Результаты обработки баз данных по этой методике привели авторов «Времени на кресте» к довольно неожиданному выводу: в 1860 г. рабовладельческое сельское хозяйство

Юга в целом было на 35% эффективнее (если рассматривать выпуск при одинаковом количестве ресурсов), чем основанное на свободном труде сельское хозяйство Севера, при этом сельское хозяйство с использованием рабов на Старом Юге было на 19% более производительным, чем свободно-трудовые фермы Севера, а сельское хозяйство с использованием рабов на Новом Юге — даже на 53%. Публикуемая ниже статья Р. Фогеля и С. Энгермана была первым наброском их будущей концепции — здесь у них превышение эффективности сельского хозяйства Юга над сельским хозяйством Севера оценивается в 38,9%.

Предложенное Р. Фогелем доказательство экономической эффективности плантационного рабства вызвало в Америке еще более широкий резонанс, чем его модель «Америки без железных дорог». Ведь в современных Соединенных Штатах сохраняются тяжелые последствия социально-расового антагонизма эпохи рабства: некоторые афро-американцы требуют репараций за эксплуатацию их предков, белые расисты продолжают считать «черномазых» неполноценными людьми, а межрасовые семьи (как, кстати говоря, семья самого Р. Фогеля) остаются весьма редкими. Доказательства того, что плантационное рабство являлось экономически очень эффективным, а негры-рабы при этом содержались в весьма приличных условиях (в частности, их питание было заметно лучше, чем у белых бедняков), многим казались «политически некорректными», поскольку объективно принижали «страдания» рабов и оправдывали белых плантаторов (если их хозяйство было эффективно, то их ликвидация, выходит, была ошибкой?). Не менее критически оценивали фогелевские «игры с цифрами» в советской историографии¹⁰ — объективный взгляд на экономику рабовладельческого Юга во многом противоречил теории классовых конфликтов.

Книга «Время на кресте» послужила катализатором для большого количества последующих клиометрических исследований по экономике рабства. В конце концов большинство выводов Р. Фогеля и С. Энгермана оказались принятыми. Сам Р. Фогель подвел итоги этого направления своих исследований в книге «Без согласия и контракта»¹¹, где сформулировал вывод, что причиной Гражданской войны была вовсе не экономическая неэффективность рабства, а моральное неприя-

тие свободолюбивыми американцами института рабства как системы угнетения. Вывод не бесспорный¹², но лестный для американского самосознания — оказывается, их предки, уничтожая рабство, не совершали ошибки, а сознательно сумели подняться над чисто материальными интересами.

Как Р. Фогель открыл «экономико-физиологическую историю». После жаркой дискуссии о проблемах американского рабства Р. Фогель, видимо, устал от полемики со своими коллегами и попытался найти такую область исследований, которая раньше вообще не разрабатывалась и где, следовательно, можно совершать открытия, не конфликтуя с предшественниками. Такой областью стала историко-экономическая демография.

Экономическая наука начиналась с представлений о том, что хозяйственная жизнь во всех странах и в любых эпохах развивается, в сущности, по одинаковым правилам. Не случайно на Западе и в наши дни под экономической историей понимают изучение хозяйственной жизни, главным образом, стран западноевропейской цивилизации за последние два-три столетия. При этом предполагается принципиальная тождественность, скажем, современного англичанина и англичанина XVIII в. Марксисты и некоторые институционалисты (например, последователи Карла Поланьи) доказывают, что мотивы хозяйственной деятельности людей, не переживших Великую трансформацию, могли резко отличаться от мотивов современных людей. Р. Фогель выдвинул неожиданный тезис — оказывается, и сами европейцы даже чисто физиологически успели за последние столетия очень основательно измениться.

В принципе, историки давно знали об исторической акселерации: если примерить музейные рыцарские доспехи современному человеку, то они придутся впору разве подростку. Однако только Р. Фогель задался целью выяснить, как же конкретно менялись физиологические параметры (например, средний рост и вес) за последние столетия. Став в 1981 г. руководителем Центра экономики народонаселения при Гарвардском университете, он создавал и обрабатывал базы данных о сотнях тысяч людей, живших с XVIII в. до наших дней.

Теоретической основой изучения долговременных трендов стал тезис, что данные об изменении роста являются наибо-

лее достоверным индикатором изменения жизненного уровня (более достоверным, чем, скажем, индексы заработной платы). Исследования Р. Фогеля и его коллег (в их числе — и давнего соавтора Стенли Энгермана) показали, например, что за столетие с конца XVIII в. до конца XIX в. средний рост 14-16-летних мальчиков в Великобритании вырос с 55 до 58 дюймов (т.е. примерно с 1,4 до 1,5 м), и существует прямая зависимость между увеличением среднего роста и удлинением продолжительности жизни. Р. Фогель даже предложил обозначить биологический потенциал человека как работника понятием «физиологический капитал» (по аналогии с «человеческим капиталом» Г. Беккера), рост которого есть не менее яркое выражение прогресса, чем увеличение материального богатства¹³. Именно этой теме была посвящена и его нобелевская лекция «Экономический рост, теория народонаселения и физиология»¹⁴, прочитанная им в декабре 1993 г.

У нас в России это новое направление «фогелевской» клиометрики уже привлекло внимание историков. По публикациям в ежегоднике «Экономическая история» можно проследить, как непросто дается отечественным историкам-экономистам освоение предложенного Р. Фогелем подхода. Стоило известному историку Б.Н. Миронову опубликовать статью о том, что у крестьян, родившихся в годы столыпинской реформы, отмечается увеличение среднего роста, и это свидетельствует об улучшении уровня жизни россиян, как в ответ он получил гневную реплику — какое, дескать, значение имеют эти дополнительные сантиметры, если и так всем известно, как жестоко угнетали при царизме трудовое крестьянство¹⁵. Видимо, и восприятие «экономико-физиологической истории» тоже наталкивается на многие стереотипы научного мышления.

Хотя возраст Роберта Фогеля уже близок к 80-ти годам, его научной продуктивности можно только позавидовать. Быть может, вслед за тремя произведенными им научными мини-революциями он успеет произвести и четвертую?

Примечания

¹ Можно еще назвать изданный в ИНИОНе реферат нобелевской лекции Р. Фогеля (Американские экономисты — лауреаты Нобелевской премии за 1993 г. М.: ИНИОН, 1994) и несколько «корявую» сетевую публикацию его статьи «Новая экономическая история: ее данные и методы» (Economic history review. 1966. Vol. 19. № 3. P. 642–656) (<http://ie.boom.ru/Referat/Fogel.htm>).

² Подробно ознакомиться с жизнью и творчеством Р. Фогеля можно по публикациям: Левчик Д.А. Роберт Уильям Фогел и «новая экономическая история» // Новая и новейшая история. 1989. № 6. С. 181–192; Нобелевские лауреаты XX века. Экономика. Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001. С. 255–260.

³ Цит. по: Кахк Ю.Ю. Математические методы в исторических исследованиях (опыт советских и американских ученых) // Вопросы истории. 1989. № 2. С. 33–34.

⁴ Именно Арнольд Тойнби в 1930-е гг. одним из первых осмелился вынести на суд научной общественности рассуждения на тему «что было бы, если...» Отечественным историкам хорошо известны его сценарии альтернативной истории Александра Македонского: для уточнения той роли, которую сыграл в истории этот великий завоеватель, Тойнби в одном сценарии («Если бы Александр не умер тогда...») рассматривает гипотетические последствия его более долгой жизни, а в другом («Если бы Филипп и Артаксеркс уцелели...»), наоборот, — более ранней гибели (см., например, в книге: Смирнов С.Г. Годовые кольца истории. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 265–287). Впрочем, опыты А. Тойнби строились, в основном, на использовании воображения и потому находились все же ближе к научной фантастике (как в классическом в жанре альтернативной истории романе Л. Спрэга де Кампа «Да не опустится тьма»), чем к подлинной науке. К тому же в альтернативных историях Тойнби роль фактора-демиурга играла политика, а экономический фундамент общественного развития остался «за кадром».

⁵ Fogel R. Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History. John Hopkins University Press, 1964.

⁶ См.: Промакина И.М., 1975. Количественные методы исследования в работах представителей «новой экономической истории» (США) // Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975. С. 283–319.

⁷ Хотя сам первооткрыватель подлинно научной альтернативной истории не стал развивать свою новаторскую методологию, его опыт

оказался воспринятым. Пол Дэвид и другие «QWERTY-экономисты» широко используют именно метод сравнения реального с потенциально возможным, хотя и не пытаются количественно оценить альтернативные издержки разных технологических стратегий. Более того, если Р. Фогель признавал, что в реальной истории победил все же наиболее эффективный вариант, то последователи П. Дэвида доказывают возможность победы как раз неэффективных вариантов.

⁸ Латов Ю.В. Американское рабство как неотредактированная экономическая система // Историко-экономические исследования. 2003. № 2–3. С. 89–117.

⁹ Fogel R.W., Engerman S.L. Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery. New York: Little, Brown, 1974. Vol. 1–2.

¹⁰ См., например: Болховитинов Н.Н. Клиометристы и рабство // Новая и новейшая история. 1976. № 3.

¹¹ Fogel R.W. Without Consent or Contract: The Rise and Fall of American Slavery. New York: Norton, 1989.

¹² С обоснованием того, что причинами Гражданской войны были все же социально-экономические конфликты, порожденные экономикой рабства, а не высокие моральные качества американцев, можно ознакомиться по: Рэнсом Р., Сатч Р. Столкновение воззрений: экономические причины регионального конфликта в Соединенных Штатах // Экономическая история. Ежегодник. 2000. М.: РОССПЭН, 2001. С. 656–702; Латов Ю.В. Новая экономическая история Гражданской войны в Америке и ликвидации плантационного рабства // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2004. Т. 2. № 1.

¹³ См., например: Fogel Robert W. Secular Trends in Physiological Capital: Implications for Equity in Health Care // NBER Working Papers 9771. 2003 (<http://netec.wustl.edu/WoPEc/data/Papers/nbrnberwo9771.html>)

¹⁴ Fogel R. Economic Growth, Population Theory, and Physiology: The Bearing of Long-Term Processes on the Making of Economic Policy (<http://www.nobel.se/economics/laureates/1993/fogel-lecture.pdf>).

¹⁵ Миронов Б.Н. Кто платил за индустриализацию: экономическая политика С. Ю. Витте и благосостояние населения в 1890–1905 гг. по антропометрическим данным // Экономическая история. Ежегодник. 2001. М., 2002. С. 418–427; Ананьич Б.В. Заметки по поводу статьи Б.Н. Миронова «Кто платил за индустриализацию: экономическая политика С.Ю.Витте и благосостояние населения в 1890–1905 гг. по антропометрическим данным» // Экономическая история. Ежегодник. 2002. М., 2003. С. 611–613.